

D-11-5

Дополнительный бланк

Загасил 1

Линия микротранзоболитов,
забыл жезлен.

Российская Федерация
Калининградская область
Муниципальное казенное учреждение
Финансово-методический Центр «Вектор»

№ _____ 20__ г.

239000 г. Гурьевск, ул. Ленина, 7
Тел./Факс: 8-40-151-3-33-31, 74-13-04

Начало XX века - тяжелый период в русской истории. Приселал социализм, публиковалось новое государство СССР. Происходили перемены в жизни и умах людей. Возможно, Кризис Вены, подменил их, поворотил свой рассказ вокруг митомого появления нового пророки и лажно итема, повторил оказали лишь Редорой, и-за всего муса у Козденювы и лашной ижжа.

Кроме этой основополагающей граниты, симистичку определяют и другие факторы возмуживания. Интересен исторический особенност текст: обилие пророк иужажений. Такой иудей повелел автору перейти унаимку соболит, заторил вымарие на описании слов, в которых зотот иудей не ворахен пик апро. В тексте присутствует возмуживания лексика итерновной Термистки: "имаррок", "носох", "осианнаний", "детки", - что повелелось переводить итерновной соболит. Для точност и апрой иудей и итерновнучим автор итерновнучит этитерн: "соризити итерновнучим", "итерновной итерновнучит", "итерновнучит", "носох итерновнучит", как итерновнучит итерновнучит, "итерновнучит итерновнучит".

Литература

11 класс

Максимальное количество баллов – 70.

Общее время выполнения работы – 6 академических часов (270 мин.)

Внимательно прочитайте задания. Ответы записывайте в тетради, в виде связного, цельного, завершенного текста в прозаической форме. Задания можно выполнять в любом порядке. Соблюдайте правила русского языка и нормы речи. Дополнительные материалы и средства связи использовать не разрешается.

ЗАДАНИЕ 1. Комплексный анализ литературного произведения

Проведите комплексный анализ *одного* из двух художественных текстов, помещенных ниже (прозаического Текста 1 *или* поэтического Текста 2). Учитывайте инструкцию к ответу, расположенную перед текстом произведения. Работу выполняйте в связной и логичной форме, опираясь на знания в области теории и истории литературы.

Оцениваются навыки анализа и интерпретации произведения, логико-композиционная цельность сочинения, владение понятиями и терминами литературоведения, обращение к историко-литературному и культурному контекстам, грамотность.

Текст 1.

Работая с текстом рассказа Юрия Олеши, обращайтесь внимание на принципы создания характера героя, особенности композиции, основные мотивы произведения, его стилистику, связь с литературной традицией.

Юрий Олеша

Пророк

Козленков стоял на холме. Был жаркий летний день, необъятность, чистота, блеск. Среди необъятности стоял Козленков совершенно один в парусиновой блузе, в сандалиях, в картузе, надетом по-летнему: кое-как. Лицо ощутимо покрывалось загаром.

Зелени было мало. Ландшафт был суховат. Чернели в грунте трещины. Грунт был звонок.

По крутой тропинке, ведущей на холм к подножию Козленкова, быстро взбирался ангел, огромный ангел с черными — до плеч вьющимися волосами, не имеющий крыльев, могучий. На нем был шлафрок из красной, темной материи, в руке — посох, под шлафроком кругло двигались колени.

Он вырос перед Козленковым на краю холма. Высокий посох с цветущими ярко-зелеными почками уперся в сухую землю среди травинок. Посох блестел, как блестит мебель. Почки походили на головки птенцов... Ангел стоял прямо. Кадык его имел форму кубка. Ангел протянул руку к плечу Козленкова.

В этот миг Козленков проснулся. Проснулся он, как просыпался ежедневно — около восьми часов утра. На столе зеленел остаток вчерашнего ужина: лук, салат. Козленков выпил стакан воды залпом.

Он умылся, оделся; было веселое утро, лето. Козленков выглянул в окно; ему показалось, что кое-где в зелени блестит роса, что вспорхнувшая птица уносит каплю. Всякое проявление воды тешило его, потому-то после лука его мучила всю ночь жажда. По коридору бегала, прячась и взвизгивая, соседка.

Напившись чаю, он вышел из дому. Дворник сказал, что в соседнем доме повесилась девушка. Козленков поспешил посмотреть.

В соседнем доме посреди двора разбит был садик. Из окон смотрели жильцы. Козленков подумал: опоздаю на службу, однако не устоял. Происшествие случилось на черном дворе. Козленков остановился под аркой. На него двигалось шествие: бабы, мужчины в жилетках, корзина с овощами, собаки, дети, метла; вынутую из петли несли на руках.

Она лежала на шествии, живая, ярко освещенная солнцем, в платье с напечатанными розанами. Вдали трубил рожок. Ехала карета. Козленков разузнал: девушка была несчастна, брошена, голодала.

Вдруг Козленков увидел темное, нескрытое после зимы окно, вату между рамами, гарус, свечу. Окно никакого отношения к самоубийству не имело. Затем: на крыльце сидела впавшая в детство старушка. Старушка ела, брала еду кусочками с колен.

«Горе, — подумал Козленков. — Ах, горе».

И стало ему всех жаль.

— Надо помочь! — громко, воодушевленно сказал он.

Он хотел сказать так:

— Я видел человеческое горе. Нужно помочь всем людям сразу. Нужно немедленно сделать нечто такое, что уничтожило бы человеческое горе разом.

— Помогут. Жива, — ответили из толпы.

Силой, которая могла бы уничтожить человеческое горе разом, Козленков не обладал. Он знал, что такой силы нет. Нужно ждать, накапливать эту силу.

Желание Козленкова было так страстно, порыв так неудержим, что согласиться хотя бы на минутное ожидание он не мог. Поэтому он подумал о чуде.

— Нужно сделать чудо, — вздохнул он.

На службе, в обеденный перерыв, жуя булку с колбасой, Козленков вспоминал утреннее происшествие. На глазах у него блестели слезы. Он сдерживал плач, глотать становилось труднее. Он воображал картину.

Он входит во двор с цветущим посохом. В садике поют птицы, качаются на кустах цветы, люди в страхе бегут с подоконников. Навстречу несут девушку. В пролете арки видна старушка, окна с гарусом. Он касается ладонью девушка лба. Тотчас же окно поднимается ввысь, поворачивается к воздуху и солнцу, распаивается во всю ширь, свисают с подоконников пелярговии, ветер раздувает занавески... Тотчас старушке возвращается молодость, сын; они едят арбуз, сидя за деревянным, чисто вымытым столом. Арбуз снежен, ал; косточки чисты, блестящи, косточками можно играть в блошки. А девушка... Все счастливы. Мечты исполняются, возвращаются утраты.

Козленков вдруг встал. Он вспомнил сон. С грохотом стул отошел назад. Поднялись дыбом страницы бухгалтерской книги.

Он открыл дверь в соседнюю комнату и переступил порог. Тотчас же все головы пригнулись. Он видел: открыты окна, за окнами зелень, ветви. Тотчас же окна пришли в движение, какая-то сила, какой-то дух полетел на них, кидая во все стороны створки. Поднялись и зашумели ветви. Со столов, образуя смерч, взлетели бумаги. С громом захлопнулась за ним дверь. Противоположная открылась сама собой.

И — самое главное — он видел: все головы пригнулись, все головы упали ниц. Конечно, он знал, что причина — сквозняк. Но он видел также, что никто не может поднять на него глаз. И оценить значение этого он мог как угодно.

Он подумал: «Все упали передо мной ниц. Я иду. Я видел ангела. Я пророк. Я должен сделать чудо». Он прошел через ряд комнат, производя сквозняк, бурю. Путь его сопровождался криками. Крики означали:

— Осторожно! Двери! Двери! Ловите бумаги! Разобьется окно! Швейцаров нет!

Но Козленкову не запрещено было придавать крикам иное значение. Одни казались ему выражением восторга, другие гнева. Он шел, как пророк, — долгожданный для одних,

ненавидимый другими. Он исполнял волю пославшего. Окна хлопали, вспыхивало стекло, в саду оттого летали молнии. И вот наступил экстаз. Козленков предстал перед главой учреждения. Глава стал медленно подниматься в кресле своем навстречу Козленкову. Пророк стоял взъерошенный сквозняком, бледный, с горящими глазами, задышающийся.

— Выдайте мне жалование за две недели вперед, — сказал Козленков. И через минуту он возвращался обратно, держа в руках записку главы учреждения.

— Чудо, — говорили вокруг. — Чудо. Чудом получил, чудом!

Деньги были получены. Он вышел. Все бросились к окнам. Он шел без шапки, встречные оглядывались. Затем он искал вынутую из петли девушку. На том черном дворе сказали ему, что девушка в больнице. Его ударил неизвестный человек.

— Да не того бьешь, — закричала баба, — за что бьешь!

Неизвестный ударил его снова кулаком между лопаток. Козленков странно выпрямился от этого удара. И от внезапного выпрямления легко, как-то поджаро, пустился по лестнице. Лицо его светилось. Он знал, что просто его приняли за другого, за виновника девушкиных несчастий. Он смолчал, потому что принял на себя вину другого. Осмеянный, он пронесся по двору.

В садике том играла мячиком девочка. Мячик попал в кустарник. Козленков полез по траве, по черной почве газона, разнял кустарник и поднял шар. С крыши видел все это дворник. Голову Козленкова усеяли лепестки, в ладони торчал шип.

Дворник, осиянный высотой, небесами, гремел над миром. Проклятья неслись с высоты. Фартук его развевался. Как раз то расположение материи, напоминающее свиток, какое бывает на мраморных ангелах, образовалось у ног дворника. И как раз дворник стоял над вершиной лестницы — обыкновенной пожарной лестницы, — но в лучах солнца лестница пламенела, — и Козленков ужаснулся.

Козленков приближался к больнице. Лепестки, тихо кружась, слетали с его головы.

— Я не могу, — вздохнул он. — Зачем послали мне ангела?

И он пошел домой. Во дворе у крыльца сидела прачка Федора. Она продавала овощи. На крыльце стояла корзинка с грубыми — но с виду изваянными — капустными головами. Козленков взглянул. Капустная голова с завитыми листьями — именно завитки эти мраморной твердостью и прохладой листов произвели тревогу в памяти Козленкова. Подобного статуйного характера завитки уже он видел сегодня на фартуке дворника.

Прачка держала в руках капустный шар. Была она в красном одеянии, могучая. Так и вчера в тот же час стояла она над корзиной, и вчера Козленков купил у нее молодого луку. Теперь он сделал то же самое. Прачка уложила капустную голову в корзину (голова скрипела в ладонях, как вымытая) и достала лук.

«Плохая прачка», — подумал Козленков. Вчера вечером, ложась спать, он досадовал на жесткость простынь. Вчера же наелся он луку. Ночью он просыпался от жажды. Ему было жарко, он поворачивал подушку — и когда, мающийся и сонный, обретал обратную ее, прохладную сторону — наступало исцеление и успокоение. Но вскоре и эта сторона покрывалась жаром.

Удивительный день кончился. Вечером снова Козленков ел лук. Хлеб с маслом и лук — горький, сладкий, потный, с подмышечным запахом. Перед тем как ложиться, он пошастал рукой по натянутой на матрац простыне, дабы сгладить невидимую ее шероховатость.

Прошедший день был страшен. Козленков заснул. Вновь мучила его жажда, сушь, вновь сушь распростерлась перед ним: желтый, звонкий ландшафт, пористый грунт. Он спал. Тело его бунтовало, он метался, ища обратную сторону подушки, он протестовал, спящий, он негодовал на самого себя, действующего во сне, протестовал против самого себя, вновь поднимающегося на холм... Он мычал во сне, бил по одеялу руками...

Но вновь остановился он на холме, и вновь снизу пошел на него ангел в красном одеянии, черноголовый и могучий. В ту секунду, когда видение началось и в теле спящего Козленкова началась изжога. Именно подступ изжоги к горлу, ход ее откуда-то из недр

пищевода и был в сновидении появлением и ходом ангела. Но то знание, которое приобрел Козленков днем, — знание о сходствах, замеченных им между целым рядом предметов, отразилось на работе сонного его сознания, — и так как знание это было разоблачительным по отношению ко сну, то сон ослабел, сон готов был прерваться.

Еще секунда — и спящий воспрянул бы... И действительно, Козленков через секунду проснулся, успев увидеть перед собой на краю холма прачку Федору. Козленков проснулся. Было светло. Он напился воды, засмеялся и заснул.

1928

Текст 2.

При аналитической работе со стихотворением Марины Цветаевой, учитывайте название и тему стихотворения, обращайтесь внимание на особенности лексики, поэтического синтаксиса, связь с мифологией и литературной традицией.

Марина Цветаева

Молвь

Ёмче органа и звонче бубна
Молвь — и одна для всех:
Ох, когда трудно, и ах, когда чудно,
А не даётся — эх!

Ах с Эмпиреев и ох вдоль пахот,
И повинись, поэт,
Что ничего кроме этих ахов,
Охов, у Музы нет.

Наинасыщеннейшая рифма
Недр, наинизший тон.
Так, перед вспыхнувшей Суламифью —
Ахнувший Соломон.

Ах: разрывающееся сердце,
Слог, на котором мрут.
Ах, это занавес — вдруг — разверстый.
Ох: ломовой хомут.

Словоискатель, словесный хахаль,
Слов неприкрытый кран,
Эх, слуханул бы разок — как ахал
В ночь полонецкий стан!

И пригибался, и зверем прядал...
В мхах, в звуковом меху:
Ах — да ведь это ж цыганский табор
— Весь! — и с луной вверху!

Се жеребец, на аршин ощерясь,
Ржёт, предвкушая бег.

Се, напорвшись на конский череп,
Песнь заказал Олег —

Пушкину. И — раскалясь в полёте —
В прабогатырских тьмах —
Неодолимые возгласы плоти:
Ох! — эх! — ах!

23 декабря 1924

Количество баллов — 50

Ответ:

Рассказ Юрия Олеши "Пророк" написан в первой половине XX века и посвящен необычным событиям из жизни одного самого обычного человека Козленкова. В своём рассказе автор затрагивает тему споведаний, являющихся неотъемлемой частью жизни каждого человека, своеобразным зеркалом реальности. Минимум один сон стал повлиять на сознание Козленкова, изменив его привычный образ жизни. Идеей произведения является размышление автора о теме пророчества, которую хотел взять на себя герой. Внимание к деталям, загадочные сны и подробные описания, составленные автором, позволяют отнести рассказ к направлению символизма, широко распространённому в начале XX века. Рассказ имеет кавычковую композицию. В завершении уже в конце пророческого Козленков вновь видит сон, который раскрывает причину появления образа ангела. Можно выделить основные элементы композиции, основными элементами из которых является композиция. Сон и начало сна Козленкова сопровождается описанием лютых погод, блестящей в зелени росы, что передаёт беззаботную легкую атмосферу. Символически становится известно о попытке штурма небесных врат. Происшедшие случилось на черном дворе: здесь подкрепилось привычное чувство, однако внимание Козленкова переходит уже к старухе, берущей еду с колен. Колени фигурировали и всего еще: "Кругло глядясь колени". Пересечение двух миров: сна и реальности, когда Козленков герой и осознание желания встать в потоке. Двумерно ярко описывает автором в кульминации рассказа, когда Козленков, поверивший в сокровенное значение своего сна, идёт к кабинету начальника, создавая символ и вставая перед возгласом созданных и представляя себя пророком. Мы узнаём о мессе работы Козленкова — это обличья бухгалтерия. Автор рисует перед нами образ маленького человека: он, скорее всего, спит в комнате, ведь утром по коридору бежит соседка,

ест лук, салат и ходит на самую обычную службу. Однако этот темный человек, возмущившись слухом об ангеле, мечтает помочь всем окружающим. Его возмущенное сознание, хихуущее издевка, охотно готово последовать зову чего-то невероятного, готовящего к свершениям, которых не суджено было сбыться. В результате рассказа мир снова обьединяется с реальностью, разрушая дискурсиве.

Важнейшими мотивами рассказа являются религиозный мотив и мотив пути, тесно связанные между собой. Обращаясь к Библии, можно проследить аналогию между путем Козленкова и историей Иисуса Христа. Герой рассказа, вспомнив сон и получив охранение, проходит через толпу, встречающий его возмущением и, как ему казалось, воспротивом. Так, Иисус на пути в Иерусалим также воспринимал как признание, так и некая власть. Вторым деталям является приятие на себя чужой вины. Козленков был готов расплатиться за человеческие грехи, а ночью мучился от жажды, как Иисус на кресте. В этих двух образах много похожего, однако в характере Козленкова есть всепроникновенная оптимизм. Он не готов принять роль пророка, он сетует: «Зачем косяки мне ангела?» и так и не доходит до больницы, но помогает тем самым той несчастной девушке, ради которой он истраил получить жалование за две недели вперед. Таким образом завершается путь героя — он выходит из дома, посещает работу, движется вперед во дворе, где девушка потапливается покончив с жизнью, но так и не попадая к ней в больницу. Он возвращается домой, и замыкается композиционное кольцо.

На развитие сюжета влияет целый швейцарский образ. Безусловно, это главный герой Козленков. Мы можем рассматривать его как центральную персонажа рассказа, структурируя весь субъектно-объектный организацию текста. В рассказе четко выделен персонаж-владелец, который излагает события, как бы позволяя нам наблюдать за Козленковым, изучая его мысли и чувства. Персонаж абстрактно выделен четко, он является читателю возможным к идентификации как персонаж героя. Другим важнейшим образом является образ ангела. Созданный Юрием Шнейдером образ нехарактерен для божественной сущности: черные волосы, отсутствующие крылья — все это антропоморфно на похоть ангела.

Объяснение дает автор, вспоминая гонимую историю: «подозри изгой к юрму... и был в свидениях повешен и ходит ангел». Нельзя не обратить внимание на образ девушки. Именно он придает некое острое значение и значение Козленкова участвовать по возвращении в дом. Во дворе. Прологи параллель, можно вспомнить Лопана Лопана из «Мастера и Маргариты» М. Булгакова, и предсказавшего смерть Иешуа, что подтверждает момент с лестницей: Козленков спускается с

нее, дворник же стоит наверху. Во многом рассказ «Пророк» можно назвать схожим с произведением «Мастер и Маргарита». М. Булгаков обращает внимание на неопределенность происходящих событий, смешивая мистику и реальность. Книга Мастера о Попове и Миласе отражает историю Иисуса Христа, элементы которой присутствуют в анализируемом тексте. Показательным можно назвать сходство с Библией и молитвой в произведении Л. Андреева «Иуда Искариот». Безусловно, стиль автора прозоки некий, но похожий, ведь Козлов не смог принять эту роль, и сам сыграл для него

Общее количество баллов 20-10-5-10-5=50 (см. дополнительные бланки)

Подписи членов жюри _____

ЗАДАНИЕ 2

«Чужая речь мне будет оболочкой,
И много прежде, чем я смел родиться,
Я буквой был, был виноградной строчкой,
Я книгой был, которая вам снится».

— писал в 1932 году Осип Мандельштам. Действительно, в XX веке «чужая речь», то есть поэтика цитат и аллюзий, стала привычным инструментом литераторов. Прочитайте два фрагмента стихотворений, в которых авторы использовали цитаты. Представьте, что вам необходимо написать небольшое эссе о «чужой речи» в литературе для научно-популярного просветительского сайта.

Чтобы эссе получилось содержательным, не забудьте следующие вопросы: Какие произведения процитировали авторы этих фрагментов? Какую задачу решают авторы с помощью «чужой речи»? Есть ли что-то общее у представленных текстов, чем они различаются? Приведите свой пример произведения, содержащего цитату, и сопоставьте его с приведенными двумя.

Фрагмент 1

...
Дом — памятник архитектуры
фронтоны завитки амур
лемуры башенки колонны
оканты ранты каннелюры
решетки лоджии балконы
кариатиды и пилоны
гербы: колосья и короны
подвалы чердаки и крыши
бродяги голуби и крысы
помойки кошки и вороны
порталы купола и шпили
часы зачем-то прилепили
два льва глядят на человека
дом — особняк начала века
«дом улица фонарь аптека...»
...
Генрих Сапгир, 1982

Фрагмент 2

...
Чудесный жезл коснется слова,
И, ритмами окрылена,
Его житейская основа
Иным значением полна.

«Ночь, улица, фонарь, аптека» —
Не проза, а язык скупой
Тоски трагического века
Пред наступавшею грозой.

Трагизм судьбы давно нам ведом.
Поэтому близка ты нам,
Та песня, что когда-то дедам
Пропел печальный Вальсингам.

Евгений Яшин, 1933

Количество баллов — 20

Ответ:

Почему «сухая речь» - это не книга, а использовать её в своих текстах и даже стихотворениях - отличный приём? Над этим вопросом, как ни странно, задумались ещё в начале XX века, и пришли к выводу, что, редуцируя свои стихотворения цитатами, можно добиться огромного эффекта и воздействовать на читателя.

9

Пришли к привлекательным фрагментам и посмотрим, как выглядят вкратце «сухая речь» на примере Генрих Ситнир и Евгений Акимов использовали в своих произведениях цитаты из стихотворения Иосифа Бродского «Ночь, улица, фонарь, аптека». Эти цитаты задают тон всему стихотворению, делают его своеобразным. Однако вкратце цитата важна вовсе не из-за красоты. Оба автора пытаются довести до читателя определённую мысль, которую можно распознать, лишь зная интертекстуальный контекст.

11-11-5

Общее количество баллов

3 - 0 - 1 - (-1) - 2 = 5

Подписи членов жюри

Литература

11 класс

Максимальное количество баллов – 70.

Общее время выполнения работы – 6 академических часов (270 мин.)

Внимательно прочитайте задания. Ответы записывайте в тетради, в виде связного, цельного, завершённого текста в прозаической форме. Задания можно выполнять в любом порядке. Соблюдайте правила русского языка и нормы речи. Дополнительные материалы и средства связи использовать не разрешается.

ЗАДАНИЕ 1. Комплексный анализ литературного произведения

Проведите комплексный анализ *одного* из двух художественных текстов, помещённых ниже (прозаического Текста 1 *или* поэтического Текста 2). Учитывайте инструкцию к ответу, расположенную перед текстом произведения. Работу выполняйте в связной и логичной форме, опираясь на знания в области теории и истории литературы.

Оцениваются навыки анализа и интерпретации произведения, логико-композиционная цельность сочинения, владение понятиями и терминами литературоведения, обращение к историко-литературному и культурному контекстам, грамотность.

Текст 1.

Работая с текстом рассказа Юрия Олеши, обращайте внимание на принципы создания характера героя, особенности композиции, основные мотивы произведения, его стилистику, связь с литературной традицией.

Юрий Олеша**Пророк**

Козленков стоял на холме. Был жаркий летний день, необъятность, чистота, блеск. Среди необъятности стоял Козленков совершенно один в парусиновой блузе, в сандалиях, в картузе, надетом по-летнему: кое-как. Лицо ощутимо покрывалось загаром.

Зелени было мало. Ландшафт был суховат. Чернели в грунте трещины. Грунт был звонок.

По крутой тропинке, ведущей на холм к подножию Козленкова, быстро взбирался ангел, огромный ангел с черными — до плеч вьющимися волосами, не имеющий крыльев, могучий. На нем был шлафрок из красной, темной материи, в руке — посох, под шлафроком кругло двигались колени.

Он вырос перед Козленковым на краю холма. Высокий посох с цветущими ярко-зелеными почками уперся в сухую землю среди травинок. Посох блестел, как блестит мебель. Почки походили на головки птенцов... Ангел стоял прямо. Кадык его имел форму кубка. Ангел протянул руку к плечу Козленкова.

В этот миг Козленков проснулся. Проснулся он, как просыпался ежедневно — около восьми часов утра. На столе зеленел остаток вчерашнего ужина: лук, салат. Козленков выпил стакан воды залпом.

Он умылся, оделся; было веселое утро, лето. Козленков выглянул в окно; ему показалось, что кое-где в зелени блестит роса, что вспорхнувшая птица уносит каплю. Всякое проявление воды тешило его, потому-то после лука его мучила всю ночь жажда. По коридору бегала, прыгавшая и взвизгивая, соседка.

Напившись чаю, он вышел из дому. Дворник сказал, что в соседнем доме повесилась девушка. Козленков поспешил посмотреть.

В соседнем доме посреди двора разбит был садик. Из окон смотрели жильцы. Козленков подумал: опоздаю на службу, однако не устоял. Происшествие случилось на черном дворе. Козленков остановился под аркой. На него двигалось шествие: бабы, мужчины в жилетках, корзина с овощами, собаки, дети, метла; вынутую из петли несли на руках.

Она лежала на шествии, живая, ярко освещенная солнцем, в платье с напечатанными розанами. Вдали трубил рожок. Ехала карета. Козленков разузнал: девушка была несчастна, брошена, голодала.

Вдруг Козленков увидел темное, нескрытое после зимы окно, вату между рамами, гарус, свечу. Окно никакого отношения к самоубийству не имело. Затем: на крыльце сидела впавшая в детство старушка. Старушка ела, брала еду кусочками с колен.

«Горе, — подумал Козленков. — Ах, горе».

И стало ему всех жаль.

— Надо помочь! — громко, воодушевленно сказал он.

Он хотел сказать так:

— Я видел человеческое горе. Нужно помочь всем людям сразу. Нужно немедленно сделать нечто такое, что уничтожило бы человеческое горе разом.

— Помогут. Жива, — ответили из толпы.

Силой, которая могла бы уничтожить человеческое горе разом, Козленков не обладал. Он знал, что такой силы нет. Нужно ждать, накапливать эту силу.

Желание Козленкова было так страстно, порыв так неудержим, что согласиться хотя бы на минутное ожидание он не мог. Поэтому он подумал о чуде.

— Нужно сделать чудо, — вздохнул он.

На службе, в обеденный перерыв, жуя булку с колбасой, Козленков вспоминал утреннее происшествие. На глазах у него блестели слезы. Он сдерживал плач, глотать становилось труднее. Он воображал картину.

Он входит во двор с цветущим посохом. В садике поют птицы, качаются на кустах цветы, люди в страхе бегут с подоконников. Навстречу несут девушку. В пролете арки видна старушка, окна с гарусом. Он касается ладонью девушка лба. Тотчас же окно поднимается ввысь, поворачивается к воздуху и солнцу, распаивается во всю ширь, свисают с подоконников пелярговии, ветер раздувает занавески... Тотчас старушке возвращается молодость, сын; они едят арбуз, сидя за деревянным, чисто вымытым столом. Арбуз снежен, ал; косточки чисты, блестящи, косточками можно играть в блошки. А девушка... Все счастливы. Мечты исполняются, возвращаются утраты.

Козленков вдруг встал. Он вспомнил сон. С грохотом стул отошел назад. Поднялись дыбом страницы бухгалтерской книги.

Он открыл дверь в соседнюю комнату и переступил порог. Тотчас же все головы пригнулись. Он видел: открыты окна, за окнами зелень, ветви. Тотчас же окна пришли в движение, какая-то сила, какой-то дух полетел на них, кидая во все стороны створки. Поднялись и зашумели ветви. Со столов, образуя смерч, взлетели бумаги. С громом захлопнулась за ним дверь. Противоположная открылась сама собой.

И — самое главное — он видел: все головы пригнулись, все головы упали ниц. Конечно, он знал, что причина — сквозняк. Но он видел также, что никто не может поднять на него глаз. И оценить значение этого он мог как угодно.

Он подумал: «Все упали передо мной ниц. Я иду. Я видел ангела. Я пророк. Я должен сделать чудо». Он прошел через ряд комнат, производя сквозняк, бурю. Путь его сопровождался криками. Крики означали:

— Осторожно! Двери! Двери! Ловите бумаги! Разобьется окно! Швейцаров нет!

Но Козленкову не запрещено было придавать крикам иное значение. Одни казались ему выражением восторга, другие гнева. Он шел, как пророк, — долгожданный для одних,

ненавидимый другими. Он исполнял волю пославшего. Окна хлопали, вспыхивало стекло, в саду оттого летали молнии. И вот наступил экстаз. Козленков предстал перед главой учреждения. Глава стал медленно подниматься в кресле своем навстречу Козленкову. Пророк стоял взъерошенный сквозняком, бледный, с горящими глазами, задыхающийся.

— Выдайте мне жалование за две недели вперед, — сказал Козленков. И через минуту он возвращался обратно, держа в руках записку главы учреждения.

— Чудо, — говорили вокруг. — Чудо. Чудом получил, чудом!

Деньги были получены. Он вышел. Все бросились к окнам. Он шел без шапки, встречные оглядывались. Затем он искал вынутую из петли девушку. На том черном дворе сказали ему, что девушка в больнице. Его ударил неизвестный человек.

— Да не того бьешь, — закричала баба, — за что бьешь!

Неизвестный ударил его снова кулаком между лопаток. Козленков странно выпрямился от этого удара. И от внезапного выпрямления легко, как-то поджаро, пустился по лестнице. Лицо его светилось. Он знал, что просто его приняли за другого, за виновника девушкиных несчастий. Он смолчал, потому что принял на себя вину другого. Осмеянный, он пронесся по двору.

В садике том играла мячиком девочка. Мячик попал в кустарник. Козленков полез по траве, по черной почве газона, разнял кустарник и поднял шар. С крыши видел все это дворник. Голову Козленкова усеяли лепестки, в ладони торчал шип.

Дворник, осиянный высотой, небесами, гремел над миром. Проклятья неслись с высоты. Фартук его развеялся. Как раз то расположение материи, напоминающее свиток, какое бывает на мраморных ангелах, образовалось у ног дворника. И как раз дворник стоял над вершиной лестницы — обыкновенной пожарной лестницы, — но в лучах солнца лестница пламенела, — и Козленков ужаснулся.

Козленков приближался к больнице. Лепестки, тихо кружась, слетали с его головы.

— Я не могу, — вздохнул он. — Зачем послали мне ангела?

И он пошел домой. Во дворе у крыльца сидела прачка Федора. Она продавала овощи. На крыльце стояла корзинка с грубыми — но с виду изваянными — капустными головами. Козленков взглянул. Капустная голова с завитыми листьями — именно завитки эти мраморной твердостью и прохладой листов произвели тревогу в памяти Козленкова. Подобного статуйного характера завитки уже он видел сегодня на фартуке дворника.

Прачка держала в руках капустный шар. Была она в красном одеянии, могучая. Так и вчера в тот же час стояла она над корзиной, и вчера Козленков купил у нее молодого луку. Теперь он сделал то же самое. Прачка уложила капустную голову в корзину (голова скрипела в ладонях, как вымытая) и достала лук.

«Плохая прачка», — подумал Козленков. Вчера вечером, ложась спать, он досадовал на жесткость простынь. Вчера же наелся он луку. Ночью он просыпался от жажды. Ему было жарко, он поворачивал подушку — и когда, мающийся и сонный, обретал обратную ее, прохладную сторону — наступало исцеление и успокоение. Но вскоре и эта сторона покрывалась жаром.

Удивительный день кончился. Вечером снова Козленков ел лук. Хлеб с маслом и лук — горький, сладкий, потный, с подмышечным запахом. Перед тем как ложиться, он пошастал рукой по натянутой на матрац простыне, дабы сгладить невидимую ее шероховатость.

Прошедший день был страшен. Козленков заснул. Вновь мучила его жажда, сушь, вновь сушь распростерлась перед ним: желтый, звонкий ландшафт, пористый грунт. Он спал. Тело его бунтовало, он метался, ища обратную сторону подушки, он протестовал, спящий, он негодовал на самого себя, действующего во сне, протестовал против самого себя, вновь поднимающегося на холм... Он мычал во сне, бил по одеялу руками...

Но вновь остановился он на холме, и вновь снизу пошел на него ангел в красном одеянии, черноголовый и могучий. В ту секунду, когда видение началось и в теле спящего Козленкова началась изжога. Именно подступ изжоги к горлу, ход ее откуда-то из недр

пищевода и был в сновидении появлением и ходом ангела. Но то знание, которое приобрел Козленков днем, — знание о сходствах, замеченных им между целым рядом предметов, отразилось на работе сонного его сознания, — и так как знание это было разоблачительным по отношению ко сну, то сон ослабел, сон готов был прерваться.

Еще секунда — и спящий воспрянул бы... И действительно, Козленков через секунду проснулся, успев увидеть перед собой на краю холма прачку Федору. Козленков проснулся. Было светло. Он напился воды, засмеялся и заснул.

1928

Текст 2.

При аналитической работе со стихотворением Марины Цветаевой, учитывайте название и тему стихотворения, обращайте внимание на особенности лексики, поэтического синтаксиса, связь с мифологией и литературной традицией.

Марина Цветаева

Молвь

Ёмче органа и звонче бубна
 Молвь — и одна для всех:
 Ох, когда трудно, и ах, когда чудно,
 А не даётся — эх!

Ах с Эмпиреев и ох вдоль пахот,
 И повинись, поэт,
 Что ничего кроме этих ахов,
 Охов, у Музы нет.

Наинасыщеннейшая рифма
 Недр, наинизший тон.
 Так, перед вспыхнувшей Суламифью —
 Ахнувший Соломон.

Ах: разрывающееся сердце,
 Слог, на котором мрут.
 Ах, это занавес — вдруг — разверстый.
 Ох: ломовой хомут.

Словоискатель, словесный хахаль,
 Слов неприкрытый кран,
 Эх, слуханул бы разок — как ахал
 В ночь полонецкий стан!

И пригибался, и зверем прядал...
 В мхах, в звуковом меху:
 Ах — да ведь это ж цыганский табор
 — Весь! — и с луной вверху!

Се жеребец, на аршин ощерясь,
 Ржёт, предвкушая бег.

Се, напорвшись на конский череп,
Песнь заказал Олег —

Пушкину. И — раскалясь в полёте —
В прабогатырских тьмах —
Неодолимые возгласы плоти:
Ох! — эх! — ах!

23 декабря 1924

Количество баллов — 50

Ответ:
Анализ текста 1.

«Пророк» — рассказ Юрия Олеши — написан им в 1928 году. Всем известно, что XX век — век новых течений в любой сфере. Модернизация произошла везде: в литературе, архитектуре, музыке и др. Однако некоторые стили остались с давних времён: классицизм — древний театр продолжает; сатиру использовали ранее тоже. Но то, как её используют писатели Серебряного века, знакомо нам и по сей день, ведь даже бытовые анекдоты скотен с сатирическими работами великих. Рассказ «Пророк» тоже относится к ним. И вот почему: Козленков — так зовут главного героя рассказа — не видит ничего вокруг, когда видит цель, которая появляется после вешего — так он думает — сия. Конечно, из добрых побуждений он решает сделать чудо, которое должно «помочь всем людям сразу». Характер героя — мечтательный. Он — борец за справедливость в этом жестоком мире, он мечтает о самом добром и хорошем — для всех, без исключения. Мы видим главного героя. Однако по читателю из самого рассказа мы можем понять, что герой не глуп: «Конечно, он знал, что прощона — сквозняк»; # — пишет автор о случае, когда Козленков проносится мимо сотрудников, не закрывая дверей, тем самым создавая сквозняк. Но это знание несколько не противоречит его внутренним ощущениям — их он слышал больше: «Все упали передо мной иду. Я иду. Я видел ангела. Я должен сделать чудо». Данное противоречие является примером сатирического изображения главного героя.

Следующее доброе дело Козленкова тоже только наполовину увенчалось успехом — мяч из кустов для девочки доехал, а ку-старик то понял, о чём ему стал кричать дворник. Однако Козленков воспринял крик его, как крик демонического

сущности, что мы хотим понять из описания глазами Козленкова.

Главная мысль автора заключается в следующем: не нужно всё воспринимать буквально, не всякий сон — за знамение. Добро нужно делать не только протокам, а всем, а каждому. Или все наоборот — протоком добра и людского ивещения может быть каменная, если самостоятельно — даже без знамений — бороться добро людям.

Особое внимание стоит уделить композиции рассказа и символам в нём. Начинается рассказ со сна и заканчивается им же. Композиция кольцевая. Здесь наблюдается связь с литературной традицией: в литературе сон является не просто ночной картинкой, а пророчеством, часто — предупреждением для героя, как, например, в стихотворении Мухоморова «Светлана». Здесь же, в рассказе Ю. Олеши, сон показан сатирически, будто высмеивается по назначению в литературе.

Также, пожалуй заметны символические моменты. После «удивительного сна» Козленков ест «хлеб с маслом и лук — порькый, сладкий, потный, с подмышечным запахом». Хлеб и масло — как традиционное русское кушанье — является олицетворением чего-то доброго, высшего, хорошего — как поступки Козленкова за прошедший день. Но лук здесь — контекстуальный антоним в противовес хлебу — он толкает на бездумство. Последствием именно лука является тупежа, от которой и снятся герою «вещные сны». Примерительно и то, что в приведённом выше описании лука ~~присутствует~~ присутствует омонимия — противоречие (очередное) — в переносе «порькый, сладкий». Разве эти слова не антонимы? Но в данном рассказе они описывают один и тот же лук, который в вовсе можно запараллелить с действиями Козленкова.

Перед сном Козленков гладит прорывию и без того робую. Это действие тоже можно расценить как символ: главный герой повествования и в жизни пытался устранять свои проблемы, хотя и проблем как таковых было не видно.

Образ девушки, которая повесилась, можно принять в качестве олицетворяющей мысли: не всему в этой мире необходима помощь, — вопреки мысли Козленкова — а если и нужна, то своевременная и грамотная. Когда же он узнал, что девушка в большинстве, он решил справиться проведать её. Но даже этого не добёл до конца. Она всё так же

одинока и бедна, брошена и несчастна, как и до
повешения, которых, но всея видимость, она решила все
свои проблемы. Хорошо ли это и стоит ли представлять
решать не Козлякову, да и не нам, ведь мы он, мы
читатель на самом деле не Фюрцы, и даже не профки.
Ну да суть то даже не в этом. А в том, что если решил
быть борцом добра, то представляй, а не бросай, облекаясь
на Федору. А она-то — Федора — ещё и кричится уже

Общее количество баллов 41

Подписи членов жюри

ЗАДАНИЕ 2

«Чужая речь мне будет оболочкой,
И много прежде, чем я смел родиться,
Я буквой был, был виноградной строчкой,
Я книгой был, которая вам снится».

— писал в 1932 году Осип Мандельштам. Действительно, в XX веке «чужая речь», то есть поэтика цитат и аллюзий, стала привычным инструментом литераторов. Прочитайте два фрагмента стихотворений, в которых авторы использовали цитаты. Представьте, что вам необходимо написать небольшое эссе о «чужой речи» в литературе для научно-популярного просветительского сайта.

Чтобы эссе получилось содержательным, не забудьте следующие вопросы: Какие произведения процитировали авторы этих фрагментов? Какую задачу решают авторы с помощью «чужой речи»? Есть ли что-то общее у представленных текстов, чем они различаются? Приведите свой пример произведения, содержащего цитату, и сопоставьте его с приведенными двумя.

Фрагмент 1

...
Дом — памятник архитектуры
фронтоны завитки амур
лемуры башенки колонны
оканты ранты каннелюры
решетки лоджии балконы
кариатиды и пилоны
гербы: колосья и короны
подвалы чердаки и крыши
бродяги голуби и крысы
помойки кошки и вороны
порталы купола и шпили
часы зачем-то прилепили
два льва глядят на человека
дом — особняк начала века
«дом улица фонарь аптека...»
...

Генрих Сапгир, 1982

Фрагмент 2

...
Чудесный жезл коснется слова,
И, ритмами окрылена,
Его житейская основа
Иным значением полна.

«Ночь, улица, фонарь, аптека» —
Не проза, а язык скупой
Тоски трагического века
Пред наступавшею грозой.

Трагизм судьбы давно нам ведом.
Поэтому близка ты нам,
Та песня, что когда-то дедам
Пропел печальный Вальсингам.

Евгений Яшин, 1933

Ответ:

«Чужая речь» — странное название для нестранных явлений в литературе. «Чужая речь» — явление и аппозиция произведений, уже написанных, новыми авторами. Кто-то подумает, что данное явление является нововведением, однако в начале XX века этот приём, этот литературный инструмент уже был расхожим. Для рассмотрения мы имеем два фрагмента стихотворных текстов. Авторы первого и второго фрагментов цитируют А. Блока, строку из его стихотворения «Ночь, улица, фонарь, аптека». Чтобы понять, какие задачи решают авторы — Г. Саншир и Е. Яшинов, которые и используют «чужую речь» в виде строк Блока, обратимся сначала к стихотворению последнего: в нём показаны безысходность и цикличность мира вокруг, мира, который окружает каждого. Ведь не зря Блок пишет:

Придёт ещё хоть четверть века —
 Всё будет так, исхода — нет.

Что же может иметь в виду Генрих Саншир, вставляя строки Блока? Они являются красивым и поэтичным завершением монотонного переписывания всего, что автор считает относящимся к дому, любви и, быть может, самому близкому, что окружает нас — к семье. Он проводит параллель, отсылая читателя к Блокотской цикличности. Подчеркиваем ещё то, что односторонность переписывания добавляет этого ощущения безысходности, сухости бытия, предметного утеснения. И тут мы вспомним мысль Гюльке о том, что мир предметный — есть ад. Повторяемость дней, поколений, неизменяемость традиций (выражено в описании перба), подробности — всё это создаёт такой же предметный мир.

Речь о Блоке, как о символическом ~~явлении~~ показана в виде второго фрагмента авторства Евгения Яшинова. Первые две строфы подводят читателя к выводу: понимание сути символического или, если хотите, поэтического, понимания трагичности судьбы приближается к естественному концу — по Яшинову. Используя строки Блока, автор фрагмента 2 ~~ещё~~ отсылает читателя в начало Серебряного века (частью которого является сам). Отсылает и даёт понять: и творчество подвержено цикличности, и творчество покорно законам настоящего времени.

Раскрытие темы безысходности бытия, цикличности является сюжетной основой у двух обрывков. Но различаются они тематикой в первом — это мир, дом, а во втором — творчество и судьба человеческая. Употребление Блока (использование „зутсой реви“) — только способ иллюстрации данных идей. Устами великого — свои устами — об этом.

Лидер группы „Сплин“ Сергей Васильев использовал „зутсой реви“ зутского произведения в своей песне „Передайте это Габриэлю Поттеру, если вдруг его встретите. Где это все он прибегает к этому приёму? Александр метафорически описывает нынешнюю ситуацию, перенося образы из произведения Дж.К. Роулинг о Габриэлю Поттере. Каждый где себе подмет сам, о чём пишет и поёт Васильев, но неизменным фактом будет то, что он использовал „зутсой реви“. Данный пример помогает понять это явление, поскольку человеку часто оказывается явнее современная ему литература.

Итак, подведём итог: „зутсой реви“ — литературный приём, применяющийся для метафорического понимания текста нового со вставками уже созданных образов. Таким образом автор показывает историю времени, создавая, связывая с тем, что было уже описано.

K1-3 K2-0 K3-5 K4- K5-3

Общее количество баллов

11

Подписи членов жюри

Литература

11 класс

Максимальное количество баллов – 70.

Общее время выполнения работы – 6 академических часов (270 мин.)

Внимательно прочитайте задания. Ответы записывайте в тетради, в виде связного, цельного, завершённого текста в прозаической форме. Задания можно выполнять в любом порядке. Соблюдайте правила русского языка и нормы речи. Дополнительные материалы и средства связи использовать не разрешается.

ЗАДАНИЕ 1. Комплексный анализ литературного произведения

Проведите комплексный анализ *одного* из двух художественных текстов, помещённых ниже (прозаического Текста 1 *или* поэтического Текста 2). Учитывайте инструкцию к ответу, расположенную перед текстом произведения. Работу выполняйте в связной и логичной форме, опираясь на знания в области теории и истории литературы.

Оцениваются навыки анализа и интерпретации произведения, логико-композиционная цельность сочинения, владение понятиями и терминами литературоведения, обращение к историко-литературному и культурному контекстам, грамотность.

Текст 1.

Работая с текстом рассказа Юрия Олеши, обращайте внимание на принципы создания характера героя, особенности композиции, основные мотивы произведения, его стилистику, связь с литературной традицией.

Юрий Олеша

Пророк

Козленков стоял на холме. Был жаркий летний день, необъятность, чистота, блеск. Среди необъятности стоял Козленков совершенно один в парусиновой блузе, в сандалиях, в картузе, надетом по-летнему: кое-как. Лицо ощутимо покрывалось загаром.

Зелени было мало. Ландшафт был суховат. Чернели в грунте трещины. Грунт был звонок.

По крутой тропинке, ведущей на холм к подножию Козленкова, быстро взбирался ангел, огромный ангел с черными — до плеч вьющимися волосами, не имеющий крыльев, могучий. На нем был шлафрок из красной, темной материи, в руке — посох, под шлафроком кругло двигались колени.

Он вырос перед Козленковым на краю холма. Высокий посох с цветущими ярко-зелеными почками уперся в сухую землю среди травинок. Посох блестел, как блестит мебель. Почки походили на головки птенцов... Ангел стоял прямо. Кадык его имел форму куска. Ангел протянул руку к плечу Козленкова.

В этот миг Козленков проснулся. Проснулся он, как просыпался ежедневно — около восьми часов утра. На столе зеленел остаток вчерашнего ужина: лук, салат. Козленков выпил стакан воды залпом.

Он умылся, оделся; было веселое утро, лето. Козленков выглянул в окно; ему показалось, что кое-где в зелени блестит роса, что вспорхнувшая птица уносит каплю. Всякое проявление воды тешило его, потому-то после лука его мучила всю ночь жажда. По коридору бегала, прячась и взвизгивая, соседка.

dream

в утра, шлокой
сок, утчин
ча столе

Напившись чаю, он вышел из дому. Дворник сказал, что в соседнем доме повесилась девушка. Козленков поспешил посмотреть.

В соседнем доме посреди двора разбит был садик. Из окон смотрели жильцы. Козленков подумал: опоздаю на службу, однако не устоял. Происшествие случилось на черном дворе. Козленков остановился под аркой. На него двигалось шествие: бабы, мужчины в жилетках, корзина с овощами, собаки, дети, метла; вынутую из петли несли на руках.

Она лежала на шествии, живая, ярко освещенная солнцем, в платье с напечатанными розами. Вдали трубил рожок. Ехала карета. Козленков разузнал: девушка была несчастна, брошена, голодала.

Вдруг Козленков увидел темное, нескрытое после зимы окно, вату между рамами, гарус, свечу. Окно никакого отношения к самоубийству не имело. Затем: на крыльце сидела впавшая в детство старушка. Старушка ела, брала еду кусочками с колен.

«Горе, — подумал Козленков. — Ах, горе».

И стало ему всех жаль.

— Надо помочь! — громко, воодушевленно сказал он.

Он хотел сказать так:

— Я видел человеческое горе. Нужно помочь всем людям сразу. Нужно немедленно сделать нечто такое, что уничтожило бы человеческое горе разом.

— Помогут. Жива, — ответили из толпы.

Силой, которая могла бы уничтожить человеческое горе разом, Козленков не обладал. Он знал, что такой силы нет. Нужно ждать, накапливать эту силу.

Желание Козленкова было так страстно, порыв так неудержим, что согласиться хотя бы на минутное ожидание он не мог. Поэтому он подумал о чуде.

— Нужно сделать чудо, — вздохнул он.

На службе, в обеденный перерыв, жуя булку с колбасой, Козленков вспоминал утреннее происшествие. На глазах у него блестели слезы. Он сдерживал плач, глотать становилось труднее. Он воображал картину.

Он входит во двор с цветущим посохом. В садике поют птицы, качаются на кустах цветы, люди в страхе бегут с подоконников. Навстречу несут девушку. В пролете арки видна старушка, окна с гарусом. Он касается ладонью девушкина лба. Тотчас же окно поднимается ввысь, поворачивается к воздуху и солнцу, распаивается во всю ширь, свисают с подоконников цедяг, ветер раздувает занавески... Тотчас старушке возвращается молодость, сын; они едят арбуз, сидя за деревянным, чисто вымытым столом. Арбуз снежен, ал; косточки чисты, блестящи, косточками можно играть в блошки. А девушка... Все счастливы. Мечты исполняются, возвращаются утраты.

Козленков вдруг встал. Он вспомнил сон. С грохотом стул отошел назад. Поднялись дыбом страницы бухгалтерской книги.

Он открыл дверь в соседнюю комнату и переступил порог. Тотчас же все головы пригнулись. Он видел: открыты окна, за окнами зелень, ветви. Тотчас же окна пришли в движение, какая-то сила, какой-то дух полетел на них, кидая во все стороны створки. Поднялись и зашумели ветви. Со столов, образуя смерч, взлетели бумаги. С громом захлопнулась за ним дверь. Противоположная открылась сама собой.

И — самое главное — он видел: все головы пригнулись, все головы упали ниц. Конечно, он знал, что причина — сквозняк. Но он видел также, что никто не может поднять на него глаз. И оценить значение этого он мог как угодно.

Он подумал: «Все упали передо мной ниц. Я иду. Я видел ангела. Я пророк. Я должен сделать чудо». Он прошел через ряд комнат, производя сквозняк, бурю. Путь его сопровождался криками. Крики означали:

— Осторожно! Двери! Двери! Ловите бумаги! Разобьется окно! Швейцаров нет!

Но Козленкову не запрещено было придавать крикам иное значение. Одни казались ему выражением восторга, другие гнева. Он шел, как пророк, — долгожданный для одних,

ненавидимый другими. Он исполнял волю пославшего. Окна хлопали, вспыхивало стекло, в саду оттого летали молнии. И вот наступил экстаз. Козленков предстал перед главой учреждения. Глава стал медленно подниматься в кресле своем навстречу Козленкову. Пророк стоял взъерошенный сквозняком, бледный, с горящими глазами, задыхающийся.

— Выдайте мне жалование за две недели вперед, — сказал Козленков. И через минуту он возвращался обратно, держа в руках записку главы учреждения.

— Чудо, — говорили вокруг. — Чудо. Чудом получил, чудом! *про материю*

Деньги были получены. Он вышел. Все бросились к окнам. Он шел без шапки, встречные оглядывались. Затем он искал вынутую из петли девушку. На том черном дворе сказали ему, что девушка в больнице. Его ударил неизвестный человек.

— Да не того бьешь, — закричала баба, — за что бьешь!

Неизвестный ударил его снова кулаком между лопаток. Козленков странно выпрямился от этого удара. И от внезапного выпрямления легко, как-то поджаро, пустился по лестнице. Лицо его светилось. Он знал, что просто его приняли за другого, за виновника девушких несчастий. Он смолчал, потому что принял на себя вину другого. Осмеянный, он пронесся по двору.

В садике том играла мячиком девочка. Мячик попал в кустарник. Козленков полез по траве, по черной почве газона, разнял кустарник и поднял шар. С крыши видел все это дворник. Голову Козленкова усеяли лепестки, в ладони торчал шип.

Дворник, осиянный высотой, небесами, гремел над миром. Проклятья неслись с высоты. Фартук его развевался. Как раз то расположение материи, напоминающее свиток, какое бывает на мраморных ангелах, образовалось у ног дворника. И как раз дворник стоял над вершиной лестницы — обыкновенной пожарной лестницы, — но в лучах солнца лестница пламенела, — и Козленков ужаснулся.

Козленков приближался к больнице. Лепестки, тихо кружась, слетали с его головы.

— Я не могу, — вздохнул он. — Зачем послали мне ангела?

И он пошел домой. Во дворе у крыльца сидела прачка Федора. Она продавала овощи. На крыльце стояла корзинка с грубыми — но с виду изваянными — капустными головами. Козленков взглянул. Капустная голова с завитыми листьями — именно завитки эти мраморной твердостью и прохладой листов произвели тревогу в памяти Козленкова. Подобного статуйного характера завитки уже он видел сегодня на фартуке дворника.

Прачка держала в руках капустный шар. Была она в красном одеянии, могучая. Так и вчера в тот же час стояла она над корзиной, и вчера Козленков купил у нее молодого луку. Теперь он сделал то же самое. Прачка уложила капустную голову в корзину (голова скрипела в ладонях, как вымытая) и достала лук.

«Плохая прачка», — подумал Козленков. Вчера вечером, ложась спать, он досадовал на жесткость простынь. Вчера же наелся он луку. Ночью он просыпался от жажды. Ему было жарко, он поворачивал подушку — и когда, мающийся и сонный, обретал обратную ее, прохладную сторону — наступало исцеление и успокоение. Но вскоре и эта сторона покрывалась жаром.

Удивительный день кончился. Вечером снова Козленков ел лук. Хлеб с маслом и лук — горький, сладкий, потный, с подмышечным запахом. Перед тем как ложиться, он пошастал рукой по натянутой на матрац простыне, дабы сгладить невидимую ее шероховатость.

Прошедший день был страшен. Козленков заснул. Вновь мучила его жажда, сушь, вновь сушь распростерлась перед ним: желтый, звонкий ландшафт пористый грунт. Он спал. Тело его бунтовало, он метался, ища обратную сторону подушки, он протестовал, спящий, он негодовал на самого себя, действующего во сне, протестовал против самого себя, вновь поднимающегося на холм... Он мычал во сне, бил по одеялу руками...

Но вновь остановился он на холме, и вновь снизу пошел на него ангел в красном одеянии, черноголовый и могучий. В ту секунду, когда видение началось и в теле спящего Козленкова началась изжога. Именно подступ изжоги к горлу, ход ее откуда-то из недр

пищевода и был в сновидении появлением и ходом ангела. Но то знание, которое приобрел Козленков днем, — знание о сходствах, замеченных им между целым рядом предметов, отразилось на работе сонного его сознания, — и так как знание это было разоблачительным по отношению ко сну, то сон ослабел, сон готов был прерваться.

Еще секунда — и спящий воспрянул бы... И действительно, Козленков через секунду проснулся, успев увидеть перед собой на краю холма прачку Федору. Козленков проснулся. Было светло. Он напился воды, засмеялся и заснул.

1928

Текст 2.

При аналитической работе со стихотворением Марины Цветаевой, учитывайте название и тему стихотворения, обращайте внимание на особенности лексики, поэтического синтаксиса, связь с мифологией и литературной традицией.

Марина Цветаева

Молвь

Ёмче органа и звонче бубна
Молвь — и одна для всех:
Ох, когда трудно, и ах, когда чудно,
А не даётся — эх!

Ах с Эмпиреев и ох вдоль пахот,
И повинись, поэт,
Что ничего кроме этих ахов,
Охов, у Музы нет.

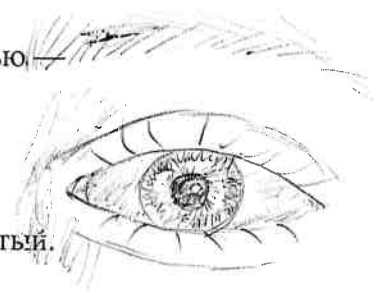
Наинасыщеннейшая рифма
Недр, наинизший тон.
Так, перед вспыхнувшей Суламифью —
Ахнувший Соломон.

Ах: разрывающееся сердце,
Слог, на котором мрут.
Ах, это занавес — вдруг — разверстыи.
Ох: ломовой хомут.

Словоискатель, словесный хахаль,
Слов неприкрытый кран,
Эх, слуханул бы разок — как ахал
В ночь половецкий стан!

И пригибался, и зверем прядал...
В мхах, в звуковом меху:
Ах — да ведь это ж цыганский табор
— Весь! — и с луной вверху!

Се жеребец, на аршин ощерясь,
Ржёт, предвкушая бег.

Се, напорвшись на конский череп,
Песнь заказал Олег —

Пушкину. И — раскалясь в полёте —
В прабогатырских тьмах —
Неодолимые возгласы плоти:
Ох! — эх! — ах!

23 декабря 1924

Количество баллов — 50

Ответ:

В рамках данного задания я буду работать с текстом Ю. Олеши "Пирок".

Главный персонаж движущий механизмом данного рассказа является сон шавкого героя: через него он Козленков, по своему мнению, получает дар пирока.

Также можно сказать только у восприимчивого и чувствительного человека, верующего в какой-то мере в то, что он благодарен этим качествам, такое простое и для обычного человека незначительное событие, как сон, способно вселить в него мотивацию и веру в чудо.

В Козленкове мы видим очень четкого человека, как вном и личного житейской мудрости, трезвого в отношении, боящегося от ответственности. Поэтому, в его характере есть значительная доля детства.

Именно дети обладают большей способностью верить в чудо, предполагать, что только оно решит насущные практические вопросы, решение которых на самом деле требует конкретных действий. Так же детям свойственно предпочитать зрелища своим обязанностям (оказание оказание Козленкова) и много фантазировать, придавая обычным ситуациям и явлениям другой характер. Так же детское мышление не отличается практической направленностью предостережением новаторские прощедшик капризности. Козленков, например, даже не задумался о заботе утки, здорово портящего кошкой сон, а еще не задумался о том, как каруши работу некого "одна". Козленков лишь совет, иррационален и несамостоятелен. Из-за этого он так легко поверил в свою роль создателя, если ей

следовал, а затем легко сдался, а подлые быстро в ней разубежились.

Начало и конец его "пророческого" пути были полостью схожи. Благодаря этому у рассказчика замкнутая кольцевая композиция: герой возвращается в те же условия, в которых был вначале.

Первый сон, касавшийся не свою тяжесть, воодушевил героя. Как мы увидели, одного воодушевления для крупного свершения недостаточно. Тут еще сила и вера в себя, воодушевление кадетов или лишь на первом параде. Мотивации, данной снам Козленкову хватило на героико-кавказское участие в чужой горе, на помощь девочки с шариком, стойкость к неслыханному удару и косым взмахом. Пройдя через эти препятствия он споткнулся о братьев дворника, а шавками обрадовал о свое видение и страхи перед ними. За это я чуть раньше обвинила его в трусости, однако она оправдана так же, как и его мотивации, чувствительностью Козленкова к "знакам" судьбы и истинными предвещающими его шагам к цели. Предки полагаю, что "пылотающую" лестницу и дворника-ангела он воспринимал как предзнаменование помощи на его "чуждом пути", и, не веря в свои силы сдался.

Позже он находит полное оправдание тому, что не вынес роли "пророка": все эти знаки во снах оказались результатом ^{неудачных попыток} жизни, искаживших дневные впечатления.

Мощнейший черновисый ангел был вызван образом пращки, его путь по тропинке - страданиями нищего, косая в его руках - и погода во сне - ощущение колючего летнего жара.

Это разоблачение случилось благодаря неспокойности сна, которую предвосхищали кержантский уткин, и наблюдательности Козленкова.

Оба сна были одинаковы по сюжету и происхождению, но Козленков был разный. В течение сна он разубеждал в своей чудесной силе и разочаровался в чем, поставленной ему, смог лишь рассмотреть окружающее. Его мозг находит достаточно знаний для рационализации происходящего во сне, он разубеждается в чуде. А

Такое часто происходит, когда человек взрослеет. Взрослые не ищут в своей жизни чуда, не верят в него, а допускают вероятность "чуждости" происходящего, рубят чудо на корню уже привычной рационализацией.

Я перети ваяю, что Козленков, в рассказе представил слабых

человеком, которого сейчас бы каубами, одискими ксерком
рактерный, больше не решится помогать, знает, что это тешно
и не веря в свои силы, а на все, что можно бы раньше его вдохновить
будет сиеяться, боюсь опять обмануться.

Мы знаем, что Кошкин изменился. Об этом говорит маленькая
деталь, подметенная автором: Кошкин всегда кросылался около
восьми, ^{что} оставило времени ровно на сборы и дорогу на работу; а
от второго она он проснулся, выпил воды и снова заснул, что говорит
либо о его ранней пробуждении, либо о небеззны опоздать.

Общее количество баллов 25 сч. доп. Благин
Подписи членов жюри

ЗАДАНИЕ 2

«Чужая речь мне будет оболочкой,
И много прежде, чем я смел родиться,
Я буквой был, был виноградной строчкой,
Я книгой был, которая вам снится».

— писал в 1932 году Осип Мандельштам. Действительно, в XX веке «чужая речь», то есть поэтика цитат и аллюзий, стала привычным инструментом литераторов. Прочитайте два фрагмента стихотворений, в которых авторы использовали цитаты. Представьте, что вам необходимо написать небольшое эссе о «чужой речи» в литературе для научно-популярного просветительского сайта.

Чтобы эссе получилось содержательным, не забудьте следующие вопросы: Какие произведения процитировали авторы этих фрагментов? Какую задачу решают авторы с помощью «чужой речи»? Есть ли что-то общее у представленных текстов, чем они различаются? Приведите свой пример произведения, содержащего цитату, и сопоставьте его с приведенными двумя.

Фрагмент 1
...
Дом — памятник архитектуры
фронтоны завитки амуров
лемуры башенки колонны
оканты рванты каннелюры
решетки лоджии балконы
кариатиды и пилоны
гербы: колосья и короны
подвалы чердаки и крыши
бродяги голуби и крысы
помойки кошки и вороны
порталы купола и шпили
часы зачем-то прилепили
два льва глядят на человека
дом — особняк начала века
«дом улица фонарь аптека...»
...
Георх Сангир, 1982 Блюк

Фрагмент 2
...
Чудесный жезл коснется слова,
И, ритмами окрылена,
Его житейская основа
Иным значением полна.

«Ночь, улица, фонарь, аптека» —
Не проза, а язык скупой
Тоски трагического века
Пред наступавшею грозой.

Трагизм судьбы давно нам ведом.
Поэтому близка ты нам,
Та песня, что когда-то дедам
Пропел печальный Вальсингам.

Евгений Яшин, 1933

Ответ:

«Чужое дело» в литературе

Существует мнение, что все, что можно написать, уже написано до нас (скорее всего подобные эссе так же писало великое множество авторов), а нам остается лишь выдыхать новую жизнь в старые темы и переосмысливать существующие произведения искусства.

Эту позицию подтверждает такое явление, как «чужое дело» в литературе. Его суть состоит в цитировании одними авторами других. Пример этого явления — стихотворение Генрика Вагнера и Евгения Ликова, где они используют строку из самого известного стихотворения А.А. Блока: «Ночь, улица, фонарь, аптека» (собственно первую строку и ее цитированный вариант).

Эти стихотворения очень хорошо иллюстрируют возможности цитирования.

Стихотворение Г. Вагнера вытекает прямо из подзаголовка «Ночи...» Блока. Оно похоже на попытку объективно описать обстановку и настроение в целом через перечисление элементов. В этом списке — описание явко прослеживается активность между личностью самого поэта и тем, что вокруг него. «Бродят голуби и крысы; помойки кошки и вороны». Интересна авторская задумка автора насчет отсутствия знаков препинания. В плане моего личного восприятия, они служат для усиления эффекта быстроты смены фокуса внимания. Этот прием отличает стихотворение Г. Вагнера от подоплеки у Блока.

Оно обладает следующими важными отличиями:

1. У Блока описываются улица и ее элементы, у Вагнера — дом и его окружение
2. У Вагнера совсем нет прилагательных (в рассматриваемой отрывке)
3. Личное отношение Вагнера ^{к ситуации} менее ясно, чем отношение Блока.
4. Отсутствие знаков препинания (кроме тире)

И следующие сходствами:

1. Общие существительные
2. Описание обстановки в формате перечисления
3. Тейзатная зарисовка

Так же возможно, что здесь цитата-кашек на скотч-символ

Если говорить об отрывке из стихотворения Е. Ликова, то он сообщает нам другой смысл использования цитирования: по-

1-11-8

книжки и прочитавшие чужого опыта В кем говорится скорее о том, что новое поколение прочитывает те же книги, что и предыдущие, но в других событиях. Речь идет о взаимопонимании между поколениями, о вдохновении новых смыслов в строки и стихи вошедших старик.

Стихотворение, написанное, по сути, только использованием строк блока и их нумерованием со словом "века"

К1-4 К2-1 К3-5 К4- К5-2

Общее количество баллов

12

Подписи членов жюри

Литература

11 класс

Максимальное количество баллов – 70.

Общее время выполнения работы – 6 академических часов (270 мин.)

Внимательно прочитайте задания. Ответы записывайте в тетради, в виде связного, цельного, завершённого текста в прозаической форме. Задания можно выполнять в любом порядке. Соблюдайте правила русского языка и нормы речи. Дополнительные материалы и средства связи использовать не разрешается.

ЗАДАНИЕ 1. Комплексный анализ литературного произведения

Проведите комплексный анализ *одного* из двух художественных текстов, помещённых ниже (прозаического Текста 1 *или* поэтического Текста 2). Учитывайте инструкцию к ответу, расположенную перед текстом произведения. Работу выполняйте в связной и логичной форме, опираясь на знания в области теории и истории литературы.

Оцениваются навыки анализа и интерпретации произведения, логико-композиционная цельность сочинения, владение понятиями и терминами литературоведения, обращение к историко-литературному и культурному контекстам, грамотность.

Текст 1.

Работая с текстом рассказа Юрия Олеши, обращайте внимание на принципы создания характера героя, особенности композиции, основные мотивы произведения, его стилистику, связь с литературной традицией.

Юрий Олеша

Пророк

Козленков стоял на холме. Был жаркий летний день, необъятность, чистота, блеск. Среди необъятности стоял Козленков совершенно один в парусиновой блузе, в сандалиях, в картузе, надетом по-летнему: кое-как. Лицо ощутимо покрывалось загаром.

Зелени было мало. Ландшафт был суховат. Чернели в грунте трещины. Грунт был звонок.

По крутой тропинке, ведущей на холм к подножию Козленкова, быстро взбирался ангел, огромный ангел с черными — до плеч вьющимися волосами, не имеющий крыльев, могучий. На нем был шлафрок из красной, темной материи, в руке — посох, под шлафроком кругло двигались колени.

Он вырос перед Козленковым на краю холма. Высокий посох с цветущими ярко-зелеными почками уперся в сухую землю среди травинок. Посох блестел, как блестит мебель. Почки походили на головки птенцов... Ангел стоял прямо. Кадык его имел форму кубка. Ангел протянул руку к плечу Козленкова.

В этот миг Козленков проснулся. Проснулся он, как просыпался ежедневно — около восьми часов утра. На столе зеленел остаток вчерашнего ужина: лук, салат. Козленков выпил стакан воды залпом.

Он умылся, оделся; было веселое утро, лето. Козленков выглянул в окно; ему показалось, что кое-где в зелени блестит роса, что вспорхнувшая птица уносит каплю. Всякое проявление воды тешило его, потому-то после лука его мучила всю ночь жажда. По коридору бегала, прячась и взвизгивая, соседка.

Напившись чаю, он вышел из дому. Дворник сказал, что в соседнем доме повесилась девушка. Козленков поспешил посмотреть.

В соседнем доме посреди двора разбит был садик. Из окон смотрели жильцы. Козленков подумал: опоздаю на службу, однако не устоял. Происшествие случилось на черном дворе. Козленков остановился под аркой. На него двигалось шествие: бабы, мужчины в жилетках, корзина с овощами, собаки, дети, метла; вынутую из петли несли на руках.

Она лежала на шествии, живая, ярко освещенная солнцем, в платье с напечатанными розанами. Вдали трубил рожок. Ехала карета. Козленков разузнал: девушка была несчастна, брошена, голодала.

Вдруг Козленков увидел темное, неосвещенное после зимы окно, вату между рамами, гарус, свечу. Окно никакого отношения к самоубийству не имело. Затем: на крыльце сидела впавшая в детство старушка. Старушка ела, брала еду кусочками с колен.

«Горе, — подумал Козленков. — Ах, горе».

И стало ему всех жаль.

— Надо помочь! — громко, воодушевленно сказал он.

Он хотел сказать так:

— Я видел человеческое горе. Нужно помочь всем людям сразу. Нужно немедленно сделать нечто такое, что уничтожило бы человеческое горе разом.

— Помогут. Жива, — ответили из толпы.

Силой, которая могла бы уничтожить человеческое горе разом, Козленков не обладал. Он знал, что такой силы нет. Нужно ждать, накапливать эту силу.

Желание Козленкова было так страстно, порыв так неудержим, что согласиться хотя бы на минутное ожидание он не мог. Поэтому он подумал о чуде.

— Нужно сделать чудо, — вздохнул он.

На службе, в обеденный перерыв, жуя булку с колбасой, Козленков вспоминал утреннее происшествие. На глазах у него блестели слезы. Он сдерживал плач, глотать становилось труднее. Он воображал картину.

Он входит во двор с цветущим посохом. В садике поют птицы, качаются на кустах цветы, люди в страхе бегут с подоконников. Навстречу несут девушку. В пролете арки видна старушка, окна с гарусом. Он касается ладонью девушкина лба. Тотчас же окно поднимается ввысь, поворачивается к воздуху и солнцу, распаивается во всю ширь, свисают с подоконников пелярговии, ветер раздувает занавески... Тотчас старушке возвращается молодость, сын; они едят арбуз, сидя за деревянным, чисто вымытым столом. Арбуз снежен, ал; косточки чисты, блестящи, косточками можно играть в блошки. А девушка... Все счастливы. Мечты исполняются, возвращаются утраты.

Козленков вдруг встал. Он вспомнил сон. С грохотом стул отошел назад. Поднялись дыбом страницы бухгалтерской книги.

Он открыл дверь в соседнюю комнату и переступил порог. Тотчас же все головы пригнулись. Он видел: открыты окна, за окнами зелень, ветви. Тотчас же окна пришли в движение, какая-то сила, какой-то дух полетел на них, кидая во все стороны створки. Поднялись и зашумели ветви. Со столов, образуя смерч, взлетели бумаги. С громом захлопнулась за ним дверь. Противоположная открылась сама собой.

И — самое главное — он видел: все головы пригнулись, все головы упали ниц. Конечно, он знал, что причина — сквозняк. Но он видел также, что никто не может поднять на него глаз. И оценить значение этого он мог как угодно.

Он подумал: «Все упали передо мной ниц. Я иду. Я видел ангела. Я пророк. Я должен сделать чудо». Он прошел через ряд комнат, производя сквозняк, бурю. Путь его сопровождался криками. Крики означали:

— Осторожно! Двери! Двери! Ловите бумаги! Разобьется окно! Швейцаров нет!

Но Козленкову не запрещено было придавать крикам иное значение. Одни казались ему выражением восторга, другие гнева. Он шел, как пророк, — долгожданный для одних,

ненавидимый другими. Он исполнял волю пославшего. Окна хлопали, вспыхивало стекло, в саду оттого летали молнии. И вот наступил экстаз. Козленков предстал перед главой учреждения. Глава стал медленно подниматься в кресле своем навстречу Козленкову. Пророк стоял взъерошенный сквозняком, бледный, с горящими глазами, задыхающийся.

— Выдайте мне жалование за две недели вперед, — сказал Козленков. И через минуту он возвращался обратно, держа в руках записку главы учреждения.

— Чудо, — говорили вокруг. — Чудо. Чудом получил, чудом!

Деньги были получены. Он вышел. Все бросились к окнам. Он шел без шапки, встречные оглядывались. Затем он искал вынутую из петли девушку. На том черном дворе сказали ему, что девушка в больнице. Его ударил неизвестный человек.

— Да не того бьешь, — закричала баба, — за что бьешь!

Неизвестный ударил его снова кулаком между лопаток. Козленков странно выпрямился от этого удара. И от внезапного выпрямления легко, как-то поджаро, пустился по лестнице. Лицо его светилось. Он знал, что просто его приняли за другого, за виновника девушкиных несчастий. Он смолчал, потому что принял на себя вину другого. Осмеянный, он пронесся по двору.

В садике том играла мячиком девочка. Мячик попал в кустарник. Козленков полез по траве, по черной почве газона, разнял кустарник и поднял шар. С крыши видел все это дворник. Голову Козленкова усеяли лепестки, в ладони торчал шип.

Дворник, осиянный высотой, небесами, гремел над миром. Проклятья неслись с высоты. Фартук его развевался. Как раз то расположение материи, напоминающее свиток, какое бывает на мраморных ангелах, образовалось у ног дворника. И как раз дворник стоял над вершиной лестницы — обыкновенной пожарной лестницы, — но в лучах солнца лестница пламенела, — и Козленков ужаснулся.

Козленков приближался к больнице. Лепестки, тихо кружась, слетали с его головы.

— Я не могу, — вздохнул он. — Зачем послали мне ангела?

И он пошел домой. Во дворе у крыльца сидела прачка Федора. Она продавала овощи. На крыльце стояла корзинка с грубыми — но с виду изваянными — капустными головами. Козленков взглянул. Капустная голова с завитыми листьями — именно завитки эти мраморной твердостью и прохладой листов произвели тревогу в памяти Козленкова. Подобного статуйного характера завитки уже он видел сегодня на фартуке дворника.

Прачка держала в руках капустный шар. Была она в красном одеянии, могучая. Так и вчера в тот же час стояла она над корзиной, и вчера Козленков купил у нее молодого луку. Теперь он сделал то же самое. Прачка уложила капустную голову в корзину (голова скрипела в ладонях, как вымытая) и достала лук.

«Плохая прачка», — подумал Козленков. Вчера вечером, ложась спать, он досадовал на жесткость простынь. Вчера же наелся он луку. Ночью он просыпался от жажды. Ему было жарко, он поворачивал подушку — и когда, мающийся и сонный, обретал обратную ее, прохладную сторону — наступало исцеление и успокоение. Но вскоре и эта сторона покрывалась жаром.

Удивительный день кончился. Вечером снова Козленков ел лук. Хлеб с маслом и лук — горький, сладкий, потный, с подмышечным запахом. Перед тем как ложиться, он пошастал рукой по натянутой на матрац простыне, дабы сгладить невидимую ее шероховатость.

Прошедший день был страшен. Козленков заснул. Вновь мучила его жажда, сушь, вновь сушь распростерлась перед ним: желтый, звонкий ландшафт, пористый грунт. Он спал. Тело его бунтовало, он метался, ища обратную сторону подушки, он протестовал, спящий, он негодовал на самого себя, действующего во сне, протестовал против самого себя, вновь поднимающегося на холм... Он мычал во сне, бил по одеялу руками...

Но вновь остановился он на холме, и вновь снизу пошел на него ангел в красном одеянии, черноголовый и могучий. В ту секунду, когда видение началось и в теле спящего Козленкова началась изжога. Именно подступ изжоги к горлу, ход ее откуда-то из недр

пищевода и был в сношении появлением и ходом ангела. Но то знание, которое приобрел Козленков днем, — знание о сходствах, замеченных им между целым рядом предметов, отразилось на работе сонного его сознания, — и так как знание это было разоблачительным по отношению ко сну, то сон ослабел, сон готов был прерваться.

Еще секунда — и спящий воспрянул бы... И действительно, Козленков через секунду проснулся, успев увидеть перед собой на краю холма прачку Федору. Козленков проснулся. Было светло. Он напился воды, засмеялся и заснул.

1928

Текст 2.

При аналитической работе со стихотворением Марины Цветаевой, учитывайте название и тему стихотворения, обращайтесь внимание на особенности лексики, поэтического синтаксиса, связь с мифологией и литературной традицией.

Марина Цветаева

славянское слово и Рунт Цветаева

Мольв (Ресо)

Ёмче органа и звонче бубна
Мольв — и одна для всех:
Ох, когда трудно, и ах, когда чудно,
А не даётся — эх!

Ах, с Эмпиреев и, ох, вдоль пахот,
И повинись, поэт,
Что ничего кроме этих ахов,
Охов, у Музы нет.

Наинасыщеннейшая рифма
Недр, наинизший тон.
Так, перед вспыхнувшей Суламифью —
Ахнувший Соломон.

Ах: разрывающееся сердце,
Слог, на котором мрут.
Ах, это занавес — вдруг — разверстый.
Ох: ломовой хомут.

Словоискатель, словесный хахаль,
Слов неприкрытый кран,
Эх, слуханул бы разок — как ахал
В ночь половецкий стан!

И пригibalся, и зверем прядал...
В мхах, в звуковом меху:
Ах — да ведь это ж цыганский табор
— Весь! — и с луной вверху!

Се жеребец, на аршин ощерясь,
Ржёт, предвкусывая бег.

рифма = √
анафора = 0-4
инверсия = 0-4
- наблюдение
методически
UUUU-UUU-U
-UU-U-
-U-UUUU-U
-UUUU-
Слово-звук в
исории, но
бессмертие (?)

- фашистик
- айскани
- к русскому
истории, мисте-
фигуре 19 века
"Несни о вещах
Олея Пушкина"
- использование
славянского лексики,
- библейские
и фразеологические
слова.

J-11-13

Вопросы
на
разные
предложения
разные
слова

Се, напорвшись на конский череп,
Песнь заказал Олег —

Пушкину. И — раскался в полёте —
В прабогатырских тьмах —
Неодолимые возгласы плоти.
Ох! — эх! — ах!

23 декабря 1924

Количество баллов — 50

Ответ: Алексей 2.

Стихотворение Марины Цветаевой "Молва" можно
быть интересно и обыденно, за необычность и красоту
слова, и формально, за идиоматичную идею и легкую стихотворения,
как предельно идиоматичной к изучению.

При анализе стихотворения с идиоматичным идиоматичным
произведения, первое, что привлекает читателя — особенностью
лексикой — наличием архаизмов; даже в заглавии стихотворения
старославянское слово "молва", манящее предположить "речь"
или "слово", в содержании же встречается слово "се",
"тядя", "молва", "аршин" — они имеют отношение к устной
речи, вышедшей из употребления, лексикой. Но, помимо архаизмов,
слово называемой возвышенной лексикой, которая была
характерна для классической идиоматичной, мы встречаем
с общими идиоматичными: "ох", "эх", "ах", и с терминологическими
"наименуемая", "наименуемый", необычными по
своей коннотации слова "словесный" и "словесный
характер" — данная "свободная" лексика была характерна
фундаментально.

Все же лексика обычно читатель обращает внимание
на пунктуацию в идиоматичной: авторские знаки и подчеркивание:
"Что ничто кроме этих огов,
Огов, у Музы ней".

Марина Цветаева говорит о том, что у Музы ней
слово "возношение", которое имеет все, а есть лишь
звук, акцент на этом подделкой с придуманной
идеями дальной слов у Музы ней. Какими
авторскими знаками в стихотворении — их достаточно:

"Ах: разрывающееся сердце,
<...>

Охе: пощивой волнуй"
или еще раньше выйдемся:
"А не дайся-ах!"

Во-первых, поэты не выделяли младшей и старшей, во-вторых, данные примеры поэтического синтаксиса иллоидиальной важности и не возможности отказать ей себя, поэту же это от помадой нам отсылать нам же чувства, не суть как неактивная часть человеческой речи.

Вероятно ей структурной особенностей синтаксиса к содержанию, чиняется обращая внимание на множественность айсинков: к русской литературе, которая отсылала исторические события:

"Се, наловившись на кончик череп,
Земь заказал Сам -

Зушкину. <...>"

айсинки к русской литературе в чинах:

"Ах, музаны бы разок - как ахал,

В ночь половецкий сдан"

этой фразы и также можно быть айсинков к "Слову о полку Игореве"; наличие библейского сюжета

"Как перед ветхозаветной Синайской -
Звеневший Соломон."

и упоминание черев древнерусской литературы:

"Чью ничто кроме зима ахал,

Охов, у Музы ней."

Таким образом, проанализировав содержание, особенности лектики и поэтический синтаксис в иллоидиальной поэзии Марии Цветаевой "Мать" мы можем подвести итог и определить тему ирисского произведения.

С определенными темами и основами ирисского синтаксиса поэты возникли проблемы, так как было "иллоидиальное айсинковское находится в последние айсинков или даже айсинков айсинков, а в айсинков "Мать" писателем написанную иллоидиальную

исправлено, помещая "открытие" в первую строку:

"Еще одна и злонче бубна
Малы - и одна на всех:
Ох, когда трудно, и ох, когда чудно,
А не дайётся - та!"

Как на протяжении всего стиха время мимолетно на-
блюдает раскрытие новой мысли: отсылки к мейнстриму,
соединение неомодернизма и архаизмов в ивектисе стиха-

М-14 К2-7 К3-3 К4-7 К5-3 34
Общее количество баллов

Подписи членов жюри

ЗАДАНИЕ 2

«Чужая речь мне будет оболочкой,
И много прежде, чем я смел родиться,
Я буквой был, был виноградной строчкой,
Я книгой был, которая вам снится».

— писал в 1932 году Осип Мандельштам. Действительно, в XX веке «чужая речь», то есть поэтика цитат и аллюзий, стала привычным инструментом литераторов. Прочитайте два фрагмента стихотворений, в которых авторы использовали цитаты. Представьте, что вам необходимо написать небольшое эссе о «чужой речи» в литературе для научно-популярного просветительского сайта.

Чтобы эссе получилось содержательным, не забудьте следующие вопросы: Какие произведения процитировали авторы этих фрагментов? Какую задачу решают авторы с помощью «чужой речи»? Есть ли что-то общее у представленных текстов, чем они различаются? Приведите свой пример произведения, содержащего цитату, и сопоставьте его с приведенными двумя.

Фрагмент 1

...
Дом — памятник архитектуры
фронтоны завитки амур
лемуры башенки колонны
оканты ранты каннелюры
решетки лоджии балконы
кариатиды и пилоны
гербы: колосья и короны
подвалы чердаки и крыши
бродяги голуби и крысы
помойки кошки и вороны
порталы купола и шпили
часы зачем-то прилепили
два льва глядят на человека
дом — особняк начала века
«дом улица фонарь аптека...»

мод
бросок

...
Генрих Сапгир, 1982

Тарковский "Сны"
Фрагмент 2

Чудесный жезл коснется слова,
И, ритмами окрылена,
Его житейская основа
Иным значением полна.

«Ночь, улица, фонарь, аптека» —
Не проза, а язык скупой
Тоски трагического века
Пред наступавшею грозой.

— Блок

Трагизм судьбы давно нам ведом.
Поэтому близка ты нам,
Та песня, что когда-то дедам
Пропел печальный Вальсингам.

Евгений Яшин, 1933

А. Блок

отсылка сюжетные перевертки

Ответ:

В XX веке в литературе нередко использовались империализм, империализм, империализм и империализм — все эти элементы нередко можно встретить и в лирике, и в прозе.

Так, в предпоследнем фрагменте есть отсылка на символическое изображение Александра Блока "Ночь, улица, фонарь, аптека".

Также имеется изображение и некий элемент на лирику Валерия Брюсова в первом фрагменте "наши дни", "лирике", "проза" написанной на тему о его творчестве, а во втором фрагменте "лирике французского века" — изображение — изображение "Наши дни" Валерия Брюсова. С помощью "чужой речи" авторы да указывают связь с поэзией, а так как оба символические имеют в основе тему прошлого:

"дом-особняк начала века"

"дом-пансионат"

Фрагмент I

"Француз судьбы давно нам ведом"

"Та же, что когда-то дедом"

Брошь маленькая Валентины"

Фрагмент II

это наиболее важной теме на тему о связи прошлого и настоящего.

Но, несмотря на то, что символические имеют как общую тему и элемент "превращения", что очень так обстоит как и творчество Блока, тема прошлого, факты и его связи с настоящим раскрываются по-разному.

В первом фрагменте — через архитектурные памятники — дом, что-то материальное

в это время как во втором символические через данную тему раскрываются через нематериальное — память и слово.

11-11-13

Финиш черной реки можно видеть и в
сказочной речи А. Тарковского "Сны". В нем же выража-
ется серый чуждый Волжеский мир
комедии А.С. Грибоедова "А что тебе еще уша", а
итакже и в звучной Волжеской "А судьи кто",
он присутствует там так же, как след прошлого
и настоящего, но в Волжеском не памяти, а полета
идеи и чуждости и возможности помочь окру-
жающую действительность.

K1-4 K2-0 K3-10 K4- K5-2

Общее количество баллов

16

Подписи членов жюри

